

Венок памяти Николаю Воронову

Был как светлая опушка леса

В нашей литературной среде, среде довольно непростой, Николай Павлович был как светлая опушка леса.

Ведь знаете, как бывает: вроде и писатель неплохой, а человек — не очень. Или писатель так себе, а человек хороший. Но самое удивительное, чтобы хороший и писатель, и человек — всё реже и реже.

А вот Николай Павлович был идеал и человека, и талантливого писателя. Мало кто сейчас помнит его прекрасный роман «Юность в Железнодорожке», который был напечатан в «Новом мире» в 70-е годы и подвергся гонению, травле. Это замечательное произведение, но, к сожалению, недостаточно оценили его наши критики, надеюсь, что оценят. В своё время его пытались выдвинуть на Государственную премию, но понятно, что её тогда получали те, кто и сейчас получают. Николай Павлович — это связь времён. Это один из последних людей, который лично знал Пастернака, и Пастернак приметил Николая Павловича. Это такая потеря! Когда мне позвонили, я даже не поверил, потому что уже привык к Николаю Павловичу, к его доброте, к рассказам о птицах, он же каждую птицу знал, зяблики эти его любимые...

Очень печально и прискорбно, что терять таких людей, о которых в последнее время мало критика наша говорила или вообще не упоминала. Он же активно работал, активно писал. У него через год выходили книги в Челябинске, Магнитогорске. Пусть небольшими тиражами, но выходили. И вот ещё «Вестник российской литературы», главным редактором которого он был. Это удивительно, до последних дней он работал.

Да, «печально я гляжу на наше поколение...». Наверное, такие люди — это «штучный товар», который Господь Бог посылает нам. Надеюсь, что его душа там, на небесах. Безгрешная, светлая душа, которая воплотилась в Слове, и — в Божьем слове. Я надеюсь, что имя это — Николай Воронов — в русской литературе не забудется и останется навеки. Светлая его память.

Лев Котюков, поэт, председатель МОО СП России, председатель Комиссии по литературному наследию писателя Николая Павловича Воронова

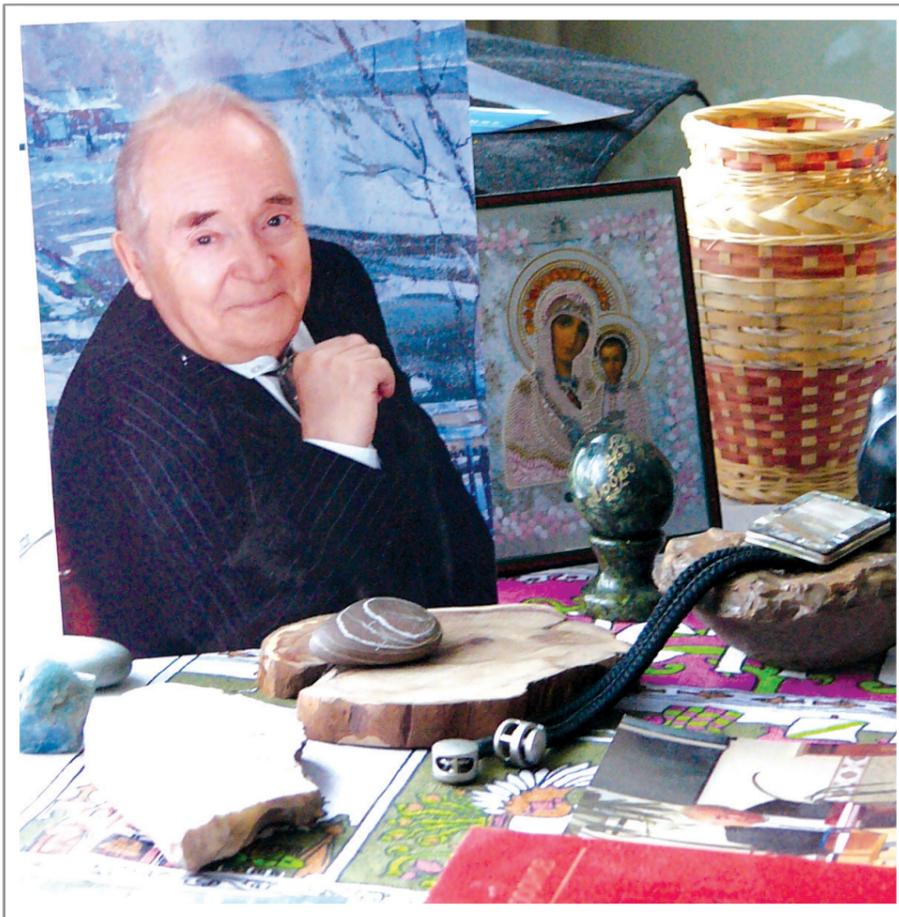
Несущий в себе вечность при жизни

Всем казалось, что он будет жить вечно. Да, настолько он в свои почти 88 лет создавал впечатление как бы вечного человека, ни в коей мере не заглядывающего за полог смерти, объемлющего всю вселенскую ширь и всё звёздное небо в своём воображении, и — сочетающего земную природу: лес, горы, птичий говор, весеннее струнное древесное соко, гавканье домашнего пса Чики — всё-всё, и многое-многое другое с небесным существованием этого же всего, с Христовым-Иисусовым проявлением и звучанием и на Земле, и в Мирах невидимых...

Он был постоянно полон любви к человеку — любому, кто появлялся на его пути, он хранил эту любовь в своём сердце, в памяти, когда этого человека уже давно и не было на Земле.

Я не переставала удивляться величине его сознания и вмещения всех и вся в его золотой голове — ежеутренне, ежевечерне. Он просыпался с мыслью и словом — о человеке-природе, и засыпал — с чувством любви ко всему существу, что окружало его.

Несущий в себе вечность при жизни, воплощающий безмерную глубину и недостижимую высоту человеческих помышлений и чувств, он выбрал себе неожиданный для всех, мгновенный уход-переход в жизнь иную, он не дал приготовиться близким к этому заключительному акту его человеческой природы...

И, быть может, как раз поэтому запечатлел в нас естественность и единство вездесущей жизни — Божественной жизни в человеке.

Елена Воронова, жена

Крепкий и мудрый уралец

Светлый душою, добрый, без уныния и обид, устремлённый в жизнь России, в жизнь её народов, писатель Николай Воронов — крепкий и мудрый уралец.

Никого зря не обидит, никому предательства не простит. Характер и воля родного края, Урала, доблесть воина.

Его творчество — рассказы, повести, романы — защита совести, отваги и правды.

Когда я был оклеветан и проведён через политический суд, Николай Воронов смело и сочувственно рассказал о беде моей семье знаменитым писателям. Они отправили обращение генеральному секретарю ЦК КПСС Константину Черненко. Мне принесли извинения, семье вернули квартиру, отобранную для мультимиллиардерши Кристины Онассис. Я был назначен через ЦК КПСС руководителем Высших литературных курсов при Союзе писателей РСФСР и Литературном институте. Несколько позже мне присудили Государственную премию РСФСР им. А.М. Горького.

И во всех этих важнейших событиях моей судьбы я вижу и с достоинством признаю участие талантливого писателя России, моего земляка и друга Николая Воронова.

Валентин Сорокин, поэт, руководитель Высших литературных курсов Литературного института им. А.М. Горького

Вселенная была там, где он

Николай Воронов был не просто переделкинцем, а стражем писательского городка, он воспринимал дома, дороги, поля и лес вокруг, как живые и родные существа, следил за перелётом птиц, и, слушая его, я вдруг замечал, что воздух вокруг нас вдруг начинал звенеть, небо становилось близким, а звёзды, когда поздним вечером шли с ним по Гоголя или Лермонтова, появлялись на небосклоне для бесед с

ним, вселенная была тут, где он.

Николай Павлович, сменив, как в таких случаях говорят мои земляки, мир своего обитания и постигнув неведомую живым тайну перехода из состояния временного в состояние вечности, оставил нам, откуда жив русский язык, своё нетленное живое Слово.

Чингиз Гусейнов, писатель, литературовед, публицист

Патриарх литературы

Невероятной души человек, родственник. Ощущение, что родные по крови. Очень участливый. В нём было что-то ангельское. Его лицо. И взрослое, и детское. Красивое одухотворённое лицо. Высокий и могучий интеллект, который проделывал ему жизнь.

Тончайший прозаик, неразрывно связанный до последнего со своим Магнитогорском, с металлургическим комбинатом. Часто он говорил, что в Переделкино одиночество, а в родном Магнитогорске набирается сил и вдохновения.

Он всегда трудился, выходило многочисленных интервью. Можно было только поражаться ясности его ума и острому взгляду писателя.

Алла Рахманина, писатель, литературовед, руководитель литературного центра «Гараж» при музее им. К.Чуковского

«Не журишь, чудо природы!»

Такими добрыми словами меня утешал мой свёкр, русский писатель Николай Павлович Воронов, когда было грустно или случались какие-то неприятности... Впервые для меня он их произнёс десять с половиной лет назад. Тогда мы с его сыном Антоном, моим мужем, опаздывали на собственное венчание в храм Николая в Толмачах, при Третьяковской галерее. «Не журишь, чудо природы, даже памятник Юрию Гагарину тебя приветствует!». Я рассмотрела гигантскую титановую скульптуру первого космонавта и улыбнулась — души коснулись солнечные слова моего свёкра, и проблема уже не казалась такой огромной...

С ним было празднично! С внучками, которые его обожали, выходил в переделкинский лес и учил наблюдательности, рассказывал, какие травы и грибы съедобные, какие — ядовитые...

Я порой засиживалась со свёкром, слушая его рассказы о нищем барачном магнитогорском детстве, о первых публикациях, о дружбе и сотрудничестве с мастерами слова: Паустовским, Катаевым, Твардовским, Окуджавой, Можаяевым, о личной встрече с королевой Дании, о путешествиях в Индию, Париж, Рим — рассказчик он был гениальный! — не замечая, что стрелки часов давно перевалили за полночь...

Энциклопедист, мастер детали, он столько знал и мог рассказать ещё! Многие ещё можно было расспросить и записать, столько тёплых слов можно было сказать, поблагодарить за бесконечную доброту ко мне и внучкам! И не верится до конца, что теперь никто не скажет в минуты моей грусти: «Не журишь, чудо природы!».

Инна Воскобойникова-Воронова журналист, невестка Николая Воронова

Человек величайшего бескорыстия

О творчестве Воронова написано и сказано немало. Его признавали и ценили такие мэтры литературы, как Александр Твардовский, Борис Можаяев, Виктор Бокков и многие другие.

Я бы хотел сказать о Николае Павловиче, как о человеке величайшего бескорыстия и светлой отзывчивости. Меня поразило в нём, что за 30 лет нашей дружбы он никому и никогда не позавидовал, а только старался помочь. Всегда — помочь.

Когда он вёл свой семинар (а мне повезло заниматься у него), никогда ни на кого не повышал голос, не позволял себе резких, критических оценок творчества молодых писателей, его семинаристов. Наоборот, он пытался даже в слабых, начинающих найти что-то ободряющее. Семинаристы любили его.

А как он трепетно относился к русскому языку! От любви к родной речи и родной природе рождалась особенная, метафоричная, яркая философичность его прозы...

Роман Федичев, писатель, издатель, давний друг Николая Воронова

Какая в нём была доброта!

А ещё — постоянная попытка понять космос. И в этом ему помогали камни, которые он очень любил. Он брал в руку камушек, солнце садилось медленно, и он показывал, как камень меняет свой цвет... Как будто это уже был другой камень...

Вот поэтому, наверное, он мог из одного слова, из одного образа создавать повесть, рассказ, роман...

Альба Торрес, Никарагуа, поэт

Печаль света

«Печаль света», — настойчиво кружили в моей голове пушкинские слова... Священник читал разрешительную молитву, ему вторили хористки — отпевали Николая Воронова в храме святого князя Игоря Черниговского у загородной Патриаршей резиденции. Я стоял с горящей свечой в руках, расплавленный воск стекал на мои пальцы и капал на мраморный пол...

Долгий жизненный путь замечательного русского писателя уральских кровей окончился. Остались книги, наполненные любовью к жизни, чутким вниманием ко всему существу, даже к былинке и камешку... В каждом герое своих произведений, невзирая на все сюжетные тяготы, он обязательно высвечивал добро.

Сергей Нилов, поэт, актёр, режиссёр